

РОССИЯ В ВОЙНАХ И РЕВОЛЮЦИЯХ XX ВЕКА (к 75-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады)

Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков

Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда

Достижения современной историографии обороны и блокады Ленинграда связаны в первую очередь с введением в научный оборот новых важных источников — постановлений, решений и распоряжений Государственного комитета обороны (далее — ГКО), директив и распоряжений Ставки Верховного Главнокомандования (далее — ВГК) и Генерального штаба Красной армии, оперативных документов командования Ленинградского и Волховского фронтов, рассекреченных материалов органов НКВД, документов военных, партийных и советских органов власти, руководивших обороной города и др.¹ Публикация новых документальных источников создала предпосылки для перехода к изучению обороны и блокады Ленинграда на качественно другом уровне, для выявления реальной помощи директивных органов власти в обороне осажденного города, для объективного изучения роли ленинградского руководства в решении сложнейших проблем, от которых зависело выживание оставшегося в блокаде населения. В результате последовавшего в последние годы прорыва в публикации блокадных дневников² исследователи получили новый корпус ценных источников, анализ которых позволяет раскрыть основные мотивы, определяющие исход борьбы ленинградцев за выживание в экстремальных условиях блокады, их психологию и поведение.

***Соболев Геннадий
Леонтьевич***

д-р ист. наук,
почетный профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

***Ходяков Михаил
Викторович***

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Однако из отмеченных выше документов опубликована хотя и важная, но незначительная часть. Так, из выявленных в Российском государственном архиве социально-политической истории (далее — РГАСПИ) в фонде ГКО (Ф. 644) 156 его постановлений, решений и распоряжений, непосредственно касавшихся жизнедеятельности Ленинграда в годы войны и блокады, опубликованы пока лишь несколько десятков³. Но они имеют принципиальное значение для понимания роли ГКО в обороне Ленинграда. Назовем здесь наиболее важные, относящиеся к продовольственному и топливному снабжению Ленинграда в 1941–1942 гг. Первое из них — «О транспортировке грузов для Ленинграда», подписанное председателем ГКО И. В. Сталиным 30 августа 1941 г., стало результатом деятельности находившейся в Ленинграде 26–29 августа 1941 г. Комиссии ГКО во главе с заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым, направленной «для рассмотрения и решения совместно с Военным Советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным Советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»⁴. Сообщая в ГКО о незначительных запасах основных продовольственных товаров на 27 августа 1941 г., Комиссия предлагала создать в Ленинграде к 1 октября 1941 г. полуторамесячные запасы продовольствия, слабо сообразуясь при этом с ухудшавшейся с каждым днем обстановкой вокруг Ленинграда⁵. Поэтому принятое 30 августа 1941 г. Постановление ГКО «О транспортировке грузов для Ленинграда», по которому Наркомат путей сообщения обязывался ежедневно, начиная с 31 августа 1941 г., направлять на станции Волховстрой и Лодейное поле по 8 маршрутов продовольствия, по 2 маршрута боеприпасов и вооружения и 1 маршрут горючего для Ленинграда⁶, в условиях уже фактической блокады города не могло быть реализовано в полной мере. В связи с этим 1 сентября 1941 г. Совнарком СССР принял постановление о снижении хлебных норм для населения Ленинграда, а в целях экономии оставшихся запасов муки предложил использовать для выпечки хлеба различные примеси. 10 сентября 1941 г. ГКО принял Постановление «Об уполномоченном ГКО по снабжению продовольствием войск Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда». В нем говорилось: «Для контроля над правильным расходом продовольственных ресурсов, предназначенных для снабжения населения г. Ленинграда и войсковых частей Ленинградского фронта и своевременного информирования Государственного Комитета Оборона о фактах нарушения экономии в деле расходования, установить должность уполномоченного Государственного Комитета Оборона по снабжению населения г. Ленинграда и войск Ленинградского фронта»⁷.

Несмотря на принятые строгие меры по учету и расходованию продовольствия, его запасы в заблокированном городе продолжали таять, и в сентябре — октябре 1941 г. по согласованию с Москвой пришлось трижды снижать хлебные нормы населению. Как видно из справки, составленной для А. А. Жданова 17 октября 1941 г., оставшегося продовольствия для снабжения населения, войск Ленинградского фронта и Балтийского флота могло хватить на 21 день, т. е. до 6 ноября 1941 г. включительно⁸. Поставленная ГКО задача создать полуторамесячный запас продовольствия водным путем через Ладожское озеро оказалась

нереализуемой из-за отсутствия обустроенных причалов и пристаней, из-за недостатка озерных судов и постоянных налетов вражеской авиации. 9 ноября 1941 г. ГКО принял специальное постановление о выделении транспортной авиации для доставки продовольствия в Ленинград. Этим постановлением предусматривалось выделение, начиная с утра 10 ноября до 14 ноября включительно, 24 транспортных «Дугласа» дополнительно к 26 работающим на Ленинградской линии, с тем чтобы ежедневно на доставке продовольствия в Ленинград и вывозе обратно оборонных грузов работали 50 «Дугласов»⁹. Установленный ежедневный план доставки продовольствия предусматривал поступление не менее 200 т продовольствия, в том числе 135 т концентратов, 20 т копченой колбасы и свинины, 10 т сухого молока и яичного порошка, 10 т сливочного масла, 20 т топленого сала и комбижира¹⁰.

В октябре — декабре 1941 г. летчики Московской авиационной группы назначения в условиях дождливой и туманной погоды, в постоянных атаках вражеских истребителей доставили в Ленинград 4325 т продовольствия. Однако это было ничтожно мало для снабжения почти 2,5 млн населения осажденного города. К тому же выделенные для транспортировки грузов «Дугласы» вскоре были отозваны.

Реальную помощь, как показал даже не совсем удачный опыт осенней навигации, могли принести только перевозки по Ладожскому озеру. Поэтому по инициативе Военного совета Ленинградского фронта было решено проложить по Ладоге ледовую дорогу, подготовка к строительству которой началась еще в октябре 1941 г. В результате напряженной подготовительной работы 19 ноября 1941 г. был подписан Приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро»¹¹. 21 ноября в Осиновец прибыл первый конно-санный обоз, доставивший по еще очень тонкому льду 63 т муки, но для ленинградцев, получавших в эти дни самую низкую блокадную норму хлеба — 250 г рабочим и 125 г остальным, это были бесценные тонны: с ними появилась надежда на спасение. И только после этого ленинградское руководство обратилось в Государственный комитет обороны с просьбой разрешить эксплуатацию ледовой дороги по Ладожскому озеру. И. В. Сталин, к которому поступила эта просьба после согласования в ГКО, хотя и санкционировал эксплуатацию ледовой дороги, тем не менее высказал сомнение в ее успехе, оставив на документе свою помету: «Предупреждаем Вас, что все это дело малонадежное и не может иметь серьезного значения для Ленинградского фронта»¹². Видимо, это мнение Председателя ГКО сыграло свою роль в том, что специальное постановление ГКО о строительстве и эксплуатации Ладожской ледовой дороги так и не последовало. Тем не менее ГКО сразу же взял под контроль работу этого стратегического объекта для обороны Ленинграда, оказывая всемерную помощь в его эксплуатации. Рассмотрев предложение Военного совета Ленинградского фронта о постройке железной дороги от станции Войбокало к восточному берегу Ладоги с целью приближения перевалочных баз продовольствия, ГКО принял 11 января 1942 г. подписанное И. В. Сталиным специальное постановление, которым Наркомат путей сообщения обязывался построить в месячный срок железнодорожную ветку длиной 40 км от станции

Войбокало до песчаной косы Ладожского озера¹³. Различные наркоматы и ведомства должны были выделить для этой дороги рабочую силу, инвентарь и необходимые материалы. Наркомату торговли поручалось выделить продовольственные и промтоварные фонды на 20 тыс. чел. Преодолевая огромные трудности, в условиях сильных морозов, обильных снегопадов, воздействия авиации и артиллерии противника, строители выполнили это важное задание в месячный срок. В начале февраля 1942 г. по законченному главному участку дороги Войбокало — Лаврово пошли поезда с продовольствием для блокированного Ленинграда. В связи с этим А. А. Жданов обратился в ГКО с предложением установить новые нормы выдачи продовольствия для населения Ленинграда и войск Ленинградского фронта, с чем согласился И. В. Сталин при условии, что «новые нормы ввести после того, как будет налажен подвоз продуктов в Ленинград в необходимых количествах, и будут образованы переходящие запасы на месте не менее 10-дневной потребности»¹⁴.

Большое значение для обеспечения жизнедеятельности Ленинграда и войск Ленинградского фронта имели последующие постановления ГКО: «О подготовке к завозу грузов в Ленинград через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» (11 марта 1942 г.), «О перевозке грузов для Ленинграда и фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 года» (9 апреля 1942 г.), «О строительстве подводного 4-дюймового бензинопровода станция Мыс Кареджи — станция Ладожское озеро (Ленинград)» (25 апреля 1942 г.), «Об эвакуации населения из г. Ленинграда» (24 мая 1942 г.), «Об обеспечении коммуникаций г. Ленинграда и Ленинградского фронта в зиму 1942–1943 гг.» (21 ноября 1942 г.) и др.¹⁵

Теперь пришло время комплексного анализа всех известных на сегодня постановлений ГКО о Ленинграде и Ленинградском фронте, в результате которого и может выявиться в полной мере роль высшего органа государственной власти в годы Великой Отечественной войны в обороне, по выражению И. В. Сталина, «второй столицы нашей страны»¹⁶. При этом, разумеется, необходимо учесть, что уже сделано известным военным историком Ю. А. Горьковым в его фундаментальном труде «Государственный Комитет Обороны постановляет...»¹⁷, в котором сделан акцент на военную сторону рассматриваемых событий.

Вышедший в 2004 г. сборник документов «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов», подготовленный в Институте военной истории Министерства обороны РФ, содержит ценные источники по вопросам обороны Ленинграда из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ. В сборнике опубликовано одно из первых постановлений ГКО по вопросам обороны Ленинграда — «О противовоздушной обороне г. Ленинграда» от 22 июля 1941 г., в котором определены меры по укреплению противовоздушной обороны города: поставки истребительной авиации, зенитных орудий и боеприпасов к ним, аэростатов заграждения и прожекторов и др.¹⁸ В нем помещены рассекреченные директивы, приказы, распоряжения и указания Верховного Главнокомандующего, Ставки ВГК и Генерального штаба Красной армии, Народного комиссара обороны (далее — НКО), доклады заместителей

НКО Верховному Главнокомандующему. Важную часть источникового корпуса этого сборника составляют документы и материалы Ленинградского и Волховского фронтов, Балтийского флота и Ладожской военной флотилии — планы операций и решения командующих войсками фронтов, оперативные директивы, боевые приказы и распоряжения, указания по взаимодействию и боевому применению родов войск, боевые донесения, переговоры по прямому проводу и др.

Особый интерес вызывают записи переговоров по прямому проводу Верховного Главнокомандующего и представителей Ставки ВГК с руководителями обороны Ленинграда в критические месяцы августа — сентября 1941 г. Так, 26 августа И. В. Сталин, обеспокоенный ухудшающейся с каждым днем обстановкой под Ленинградом, потребовал к прямому проводу только что назначенного командующим войсками Ленинградского фронта М. М. Попова в связи с потерей нашими войсками станции Любань. Новый командующий честно признал, что сил для активного противодействия противнику в районе Любани нет, и просил «помочь автоматическим оружием, так как маршевые батальоны приходят только с винтовками», а их число «не покрывает и половины боевых потерь убитыми, ранеными и пропавшими без вести». Верховному Главнокомандующему вряд ли мог понравиться такой ответ, и, обещая недели через две, возможно, выделить «две сколоченные дивизии», он при этом отчитал М. М. Попова: «...вся беда в том, что у вас любят жить и работать по-цыгански, изо дня в день не заглядывая вперед. Ввиду этого и получилось, что готовые дивизии уже распределены и втянуты в бой»¹⁹.

1 сентября 1941 г. Ставка ВГК направила за подписями И. В. Сталина и Б. М. Шапошникова в адрес Военного совета Северо-Западного направления директиву, в которой говорилось: «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта. Ленинградский фронт занят только одним — как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончать с героями отступления? Ставка в последний раз разрешает вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда»²⁰. 4 сентября 1941 г. И. В. Сталин в ходе переговоров по прямому проводу с К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым распорядился «снять» с Ленинградского фронта одного из «героев отступления» М. М. Попова²¹. Увы, складывавшаяся ситуация вокруг Ленинграда была гораздо сложнее, чем она представлялась из Кремля, и 8 сентября 1941 г. после недельных ожесточенных боев немецкие войска захватили Шлиссельбург, тем самым отрезав Ленинград от страны с суши. В поступившей на следующий день шифрованной телеграмме из Москвы за подписью Сталина, Молотова, Маленкова и Берия на имя Ворошилова и Жданова содержались грозные вопросы: «Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?»²².

Опубликованный в сборнике «Доклад Военного совета Ленинградского фронта о причинах неудач и замысле предстоящих действий», направленный днем 11 сентября 1941 г. за подписью Ворошилова и Жданова в НКО, заслуживает хотя бы теперь объективного анализа. Признавая безуспешность попыток переломить ход событий и перейти к активным действиям, авторы доклада

призывали принять во внимание, что сформированные и присланные Ставкой ВГК дивизии народного ополчения были «совершенно необученные и слабо вооруженные автоматическим оружием», их «по необходимости приходилось бросать на наиболее угрожаемые участки фронта»²³. В докладе приводились красноречивые данные о слабом обеспечении войск Ленинградского фронта авиацией и танками. «Сдавать Ленинград мы не собираемся, вы сами отлично это знаете, — говорилось в заключении доклада. — Все силы и средства города и армии сейчас брошены на защиту Ленинграда, и мы полны уверенности в нашей победе. Нам нужна срочная помощь и главным образом авиацией, оружием, о чем мы просили и снова просим»²⁴.

Однако эти доводы не были услышаны в Ставке ВГК, которая вечером 11 сентября 1941 г. приняла директиву о смене командования Ленинградского фронта: «1. Освободить Маршала Советского Союза товарища Ворошилова от обязанностей главнокомандующего Ленинградским фронтом. 2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии товарища Жукова с освобождением его от обязанностей командующего Резервным фронтом. 3. Товарищу Ворошилову сдать дела фронта, а товарищу Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград товарища Жукова»²⁵.

Получивший от Верховного Главнокомандующего директиву — удержать Ленинград во что бы то ни стало — Г. К. Жуков 12 сентября 1941 г. прилетел уже в осажденный город. Впоследствии он в беседе с К. М. Симоновым признавал, что в состоявшемся накануне его нового назначения разговоре И. В. Сталин «положение, сложившееся под Ленинградом, оценивал как катастрофическое. Помню, он даже употребил слово “безнадежное”»²⁶. Ознакомившись в первый же день с обстановкой на Ленинградском фронте, его новый главнокомандующий, хотя и не разделяя полностью это мнение, счел ситуацию критической. В разговоре по прямому проводу в ночь на 14 сентября 1941 г. с начальником Генерального штаба Красной армии Б. М. Шапошниковым Г. К. Жуков откровенно признал, что «обстановка в Южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу»²⁷. Он подтвердил: «У командования в районе Ленинграда не было никаких оперативных и тактических резервов. Сейчас приходится приостанавливать наступление и развитие прорыва случайными отрядами, отдельными полками и вновь формируемыми рабочими дивизиями. К исходу сегодняшнего дня мною организована на путях движения противника система артиллерийского огня, включительно до привлечения морской, зенитной и прочей артиллерии». В конце разговора Г. К. Жуков заверил начальника Генерального штаба: «Думаю, в ближайшие дни наведем порядок и заставим драться как полагается. Если придется, не остановимся ни перед какими мерами»²⁸. Так появился Приказ Военного совета Ленинградского фронта № 0064, подписанный 17 сентября 1941 г. главнокомандующим войсками фронта Г. К. Жуковым и членами Совета А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым, а также начальником штаба фронта М. С. Хозиным. В нем говорилось: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верхнее Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта

приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющим указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армий указанного рубежа подлежат немедленному расстрелу». Вошедший теперь в сборник «Блокада в документах рассекреченных архивов», этот приказ объявлялся тогда командному и политическому составу под расписку, а рядовому составу «широко разъяснялся»²⁹.

Сегодня исследователям известны некогда секретные материалы о работе военных трибуналов Ленинградского фронта, хранившиеся в фондах Центрального архива Министерства обороны и Ленинградского окружного военного суда. В соответствии с Приказом Наркомата обороны и Наркомата юстиции СССР от 13 июля 1941 г. Военный трибунал Ленинградского (Северного) фронта осуществлял руководство трибуналами железных дорог, Балтийского бассейна и войск НКВД. Только за первую половину августа 1941 г. Военным трибуналом фронта было сформировано 45 военных трибуналов. К сентябрю 1941 г. действовали уже 69 военных трибуналов воинских соединений и объединений³⁰. С целью прекращения паники в войсках и пресечения пораженческих настроений командование прибегло к суровым внесудебным и судебным репрессиям. За вторую половину 1941 г. военные трибуналы Ленинградского фронта осудили 3308 чел., в том числе 847 чел. были приговорены к расстрелу за измену родине (ст. 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР³¹). В 1942 г. по этой статье были расстреляны 909 чел., в 1943 г. — 464, в 1944 г. — 523, за первую половину 1945 г. — 578 военнослужащих. За весь период войны — 3402 чел.³² Кроме того, по «контрреволюционной статье» — ч. II ст. 58-10 УК РСФСР (предусматривавшей в военное время высшую меру наказания) — в 1941 г. было осуждено 1609 чел., в 1942 г. — 3458, в 1943 г. — 1339, в 1944 г. — 238 и в 1945 г. — 38 военнослужащих. За весь период войны — 6682 чел.³³

Особые надежды на коренное изменение обстановки под Ленинградом в 1941 г. связывались с действиями 54-й армии, возглавлявшейся маршалом Советского Союза Г. И. Куликом. Опубликованные записи переговоров Ставки ВГК с командованием Ленинградского фронта в сентябре 1941 г. помогают понять истоки конфликта в высшем военном руководстве. Сформированная в августе 1941 г. в Московском военном округе с непосредственным подчинением Ставке ВГК 54-я армия в сентябре 1941 г. в спешном порядке была перебросена на Северо-Западное направление, где ей отводилась роль главной ударной силы в намеченной ВГК операции по вызволению оказавшегося в тяжелом положении Ленинграда. Однако, несмотря на настойчивые требования Ставки ВГК, командующий 54-й армией медлил с наступлением до подхода новых дивизий. В этот конфликт оказался вовлеченным и новый главнокомандующий Ленинградским фронтом. 15 сентября 1941 г. Г. К. Жуков, настаивая на немедленном наступлении 54-й армии с целью прорвать блокаду противника с востока, в разговоре с Г. И. Куликом по прямому проводу предупредил: «Если ты не перейдешь в наступление завтра же, то у нас положение может быть катастрофическое, а отсюда все последствия и для тебя и для меня»³⁴. 16 сентября 1941 г. Верховный Главнокомандующий и начальник Генерального штаба вызвали на переговоры по прямому проводу находившегося в Волховстрое

командующего 54-й армией, предложив ему изменить представленный им план наступления и вместо шлиссельбургской группировки противника «главными силами ударить в направлении станции Мга»³⁵.

20 сентября 1941 г. Верховный Главнокомандующий, недовольный действиями 54-й армии, вызвал по прямому проводу ее командующего и предложил «в целях полной координации действий» включить ее в состав Ленинградского фронта. Ссылаясь на «очень плохую связь с Ленинградом», Г. И. Кулик просил «до соединения оставить существующее положение». Согласившись подождать несколько дней, И. В. Сталин одновременно потребовал от Г. И. Кулика «представить сегодня же» план взятия станции Мга и соединения с Ленинградским фронтом с обозначением сроков продвижения по дням. На просьбу командующего 54-й армией разрешить представить этот план на следующий день, после рекогносцировки местности для новых дивизий, Верховный Главнокомандующий, не скрывая гнева, сказал: «Какая рекогносцировка Вам нужна? Вам надо все силы направить на разгром противника в районе Мги и дальше. В поисках флангов вы можете упустить время, а за этот период немцы могут взять Ленинград, и тогда никому не нужна ваша помощь. В эти два дня, 21 и 22, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень опоздали. Надо наверстать потерянное время». Отвечая, Г. И. Кулик имел смелость сказать правду: «Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей, станции Мга не взять. За четыре дня боев у нас убыло около 10 тыс. убитыми и ранеными. Поэтому я сегодня приказал зарыться в землю и завтрашний день приводить части в порядок и влить пополнение. Повторяю, что эти четыре дня боя были очень жестокими, где перемалывалась живая сила с обеих сторон, и противник уже к концу третьего дня боя заменил побитые дивизии новыми. Вот обстановка на данный момент»³⁶.

По-видимому, в результате этих тяжелых переговоров Верховный Главнокомандующий пришел к решению заменить строптивного командующего 54-й армией. 24 сентября 1941 г. последовала директива Ставки ВГК командующему войсками Ленинградского фронта Г. К. Жукову, в которой, в частности, говорилось: «Товарищ Кулик, как видно, не справляется с выполнением поставленной перед ним задачи и не выполняет приказов о решительном наступлении. Имея в виду общую задачу 54-й армии с Ленинградским фронтом по обороне Ленинграда, представляется выгодным 54-ю армию подчинить вам. Кого можете выставить кандидатом на 54-ю армию? Не подойдет ли на эту должность Хозин?»³⁷. Как явствует из отсутствующей в сборнике «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов» записи переговоров по прямому проводу между начальником Генерального штаба и командующим войсками Ленинградского фронта, Г. К. Жуков назвал решение Ставки ВГК о замене Г. И. Кулика «правильным» и находился уже в оптимистическом настроении относительно положения на фронте. В частности, в этом разговоре он уверенно заявил: «Шлиссельбург нами окружен со стороны Ладожского озера и со стороны Марьино. Думаю, к исходу дня и не позже как завтра Шлиссельбург взять»³⁸. В заключение разговора Б. М. Шапошников информировал Г. К. Жукова о том, что

приказ об отстранении Г. И. Кулика будет отдан в тот же вечер, добавив: «Ставка просит весь наш разговор никому не передавать и товарищей Кулика и Ворошилова пока не извещать»³⁹. К сожалению, замена Г. И. Кулика на М. С. Хозина не привела к решению поставленной Ставкой ВГК задачи — прорвать блокаду Ленинграда с восточного направления. 30 сентября 1941 г. Г. К. Жуков был вынужден признать, что с обещанием взять Шлиссельбург он поторопился и все попытки им овладеть потерпели неудачу, и потому из Ставки ВГК поступил приказ «лобовые атаки на Шлиссельбург прекратить»⁴⁰. В силу многих причин Шлиссельбург удастся взять только в январе 1943 г., а станцию Мга, превращенную противником в мощный опорный пункт, — в январе 1944 г.

Обращаясь к анализу сентябрьских боев за Ленинград, современные исследователи опираются на широкий круг ранее недоступных источников, в том числе в сборнике «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов», и ставят целый ряд вопросов, которые прежде не могли обсуждаться. В частности, поднимается вопрос о роли Г. К. Жукова как командующего войсками Ленинградского фронта. Автор книги «Битва за Ленинград» В. А. Мосунов полагает, что «новый командующий продемонстрировал всему личному составу фронта свой разящий направо и налево железный кулак, но радикальных и эффективных контрмер по остановке противника предложить не смог»⁴¹. С этим категоричным выводом не согласился автор предисловия к книге А. В. Исаев, но признал, что высказанные аргументы заслуживают рассмотрения. Научная дискуссия необходима, и без нее немислимо движение вперед⁴². Разумеется, в этой дискуссии следует учитывать все факторы и обстоятельства, влиявшие на принятие решений командования Ленинградского фронта и самого командующего Г. К. Жукова, начиная от отчаянного положения Ленинграда и кончая жесткой позицией Ставки ВГК и Верховного Главнокомандующего, требовавших беспрекословного подчинения и принятия самых решительных действий от командного состава, для которого назидательным примером стало отстранение от командования К. Е. Ворошилова, М. М. Попова, Г. И. Кулика и др.

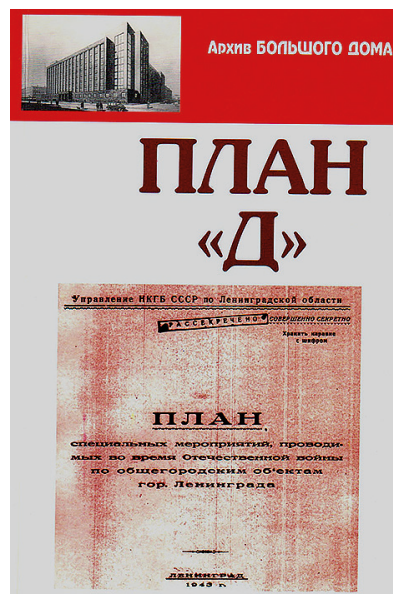
Да, это горькая правда: немецко-фашистские войска удалось остановить в результате многодневных изнурительных боев на дальних и ближних подступах к Ленинграду и ценой огромных потерь. Безвозвратные потери Северного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов в Ленинградской стратегической оборонительной операции, продолжавшейся с 10 июля по 30 сентября 1941 г., составили 214 078 чел.⁴³ Среди них — десятки тысяч ополченцев, плохо вооруженных, но сильных духом, ценой своей жизни помешавших немцам войти в Ленинград. Из полутора тысяч ополченцев Ленинградского университета около половины погибли под стенами родного города в июле — сентябре 1941 г.⁴⁴ Этот драматический период в истории обороны Ленинграда, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения и осмысления в свете последних публикаций документов.

Показательно, что новое поколение исследователей обороны и блокады Ленинграда предпочитает изучать наступление немецких войск в сентябре 1941 г. по документам оперативного отдела группы армий «Север», по журналам боевых действий 16-й и 18-й немецких армий, журналам боевых действий

и приложениям к ним 26, 28, 50-го армейских корпусов и 41-го моторизованного корпуса. В результате анализа всего комплекса немецких документов автор новейшего исследования В. А. Мосунов показал, что в сентябрьском наступлении «немецкие войска понесли довольно значительные потери», что «для немецкого командования наступление обернулось фактическим военным поражением», что «сопротивление Красной армии оказалось достаточно сильным и, в свою очередь, привело к тому, что противник не смог выйти на ближний рубеж окружения»⁴⁵. Вот почему командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб в ответ на требование «продолжить наступление в Кронштадтском районе» сообщил 24 сентября 1941 г. главному командованию сухопутных войск о том, что «в действительности же группа армий “Север” вынуждена уже полностью перейти к обороне»⁴⁶.

С публикацией в 2005 г. так называемого «Плана “Д”»⁴⁷ — документов из Архива Управления Федеральной службы безопасности России по Санкт-Петербургу — был положен конец всевозможным домыслам, связанным с минированием Ленинграда осенью 1941 г., и обвинениям в адрес ленинградского руководства обороной города (К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, А. А. Кузнецова) в трусости и паникерстве. Как видно из опубликованного плана, решение о минировании Ленинграда принималось в Москве на высшем уровне. 13 сентября 1941 г. в Ленинград со специальным заданием прилетел заместитель наркома НКВД В. Н. Меркулов, имевший мандат ГКО № 670 на проведение подготовительных мероприятий при неблагоприятном для Ленинграда развитии событий. В выданном В. Н. Меркулову мандате отмечалось, что он «является Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по специальным делам. Тов. Меркулову поручается совместно с членами Военного Совета Ленинградского фронта тов. Кузнецовым тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района. Военный Совет Ленинградского фронта, а также партийные и советские работники Ленинграда обязаны оказывать т. Меркулову всяческую помощь»⁴⁸.

Разумеется, такой мандат ГКО позволял его обладателю решать все необходимые вопросы в кратчайшие сроки, привлекать к выполнению своего ответственного задания высших партийных и советских работников. В сентябре — октябре 1941 г. В. Н. Меркулов неоднократно встречался в Смольном с А. А. Ждановым⁴⁹. План специальных мероприятий на завершающем этапе

Обложка сборника документов «План “Д”»

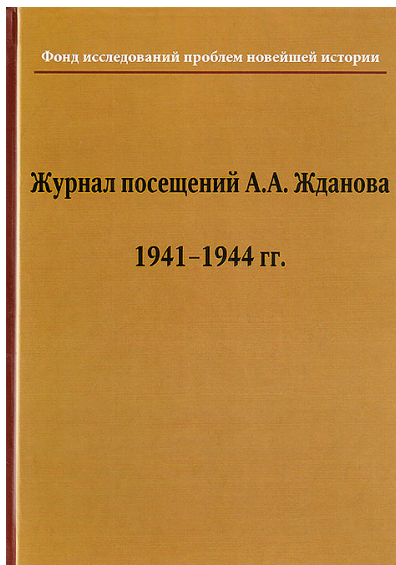
был подготовлен А. А. Кузнецовым и В. Н. Меркуловым и утвержден Военным советом Ленинградского фронта 15 сентября 1941 г. По этому плану выводу из строя подлежали 380 предприятий, из которых более 250 были отнесены к числу важнейших. Всего по плану «Д» было намечено вывести из строя 58 510 объектов, из них свыше 4900 должны были быть взорваны, а остальные уничтожены механическим путем⁵⁰.

При всей важности содержащихся в публикации плана «Д» документов, касающихся общего плана специальных мероприятий, следует иметь в виду, что конкретных предложений выведения из строя предприятий и учреждений города в самый тяжелый период его обороны не сохранилось. Поэтому вопрос о том, в какой мере мог быть реализован план «Д» в случае необходимости привести его в исполнение, остается открытым. Как видно из материалов обследования бригадой НКВД промышленных предприятий, на многих из них не хватало взрывчатых веществ и специалистов-взрывников⁵¹. По данным начальника Инженерного управления Ленинградского фронта Б. В. Бычевского, в сентябре 1941 г. для минирования 140 крупнейших промышленных объектов удалось выделить из резерва Инженерного управления всего 40 т взрывчатки⁵². Выявленные бригадой НКВД и районными отделами УНКВД по подготовке и проведению специальных мероприятий на объектах города недостатки и упущения были обобщены и направлены 3 октября 1941 г. В. Н. Меркуловым в горком партии А. А. Кузнецову. Уполномоченный ГКО выражал беспокойство тем, что «за последние дни, очевидно, в связи с затишьем на фронте и некоторыми нашими успехами, замедлился ход подготовки к проведению специальных мероприятий почти во всех районах города Ленинграда, включая и районы южного направления»⁵³. Все это позволяет полагать, что вопрос о степени готовности к выполнению специального задания, с которым В. Н. Меркулов прилетел из Москвы, нуждается в дальнейшем изучении с привлечением дополнительных источников.

Другой важный вопрос, который возникает при знакомстве с публикацией плана «Д», — это вопрос о том, насколько скрытно для населения удалось провести подготовку к минированию в осажденном городе. По заключению авторов вступительной статьи к публикации плана «Д», «прямых сигналов о проводившейся работе, за исключением отдельных общих высказываний подучетного элемента о возможности разрушения предприятий и учреждений города в случае его сдачи, агентурой УНКВД выявлено не было»⁵⁴. Встречающиеся в дневниках блокадников глухие упоминания о минировании объектов города связаны не с утечкой информации, а со слухами, источником которых были распространявшиеся листовки! Кстати, сама разведка противника имела о проводившихся в осажденном городе мерах самое общее представление. Вряд ли представляло особую ценность донесение военной разведки 18-й армии группы «Север» о положении в Ленинграде с 25 сентября по 3 октября 1941 г., в котором сообщалось, что «предприятия, мосты, а также, по-видимому, водопровод, заминированы и подготовлены к взрыву представителями центральных органов»⁵⁵. Анализ введенных в научный оборот материалов плана «Д» и, возможно, появление новых источников позволят, по нашему мнению,

высказать более определенные суждения о возможной реализации подготовительных мероприятий в случае вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района.

Что же касается судьбы кораблей Балтийского флота, то в плане «Д» под № 13 говорилось: «Балтийский флот проводит аналогичные мероприятия по отдельным разработанным планам и осуществляет их по указанию Военного Совета Ленинградского фронта»⁵⁶. Еще 8 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял Постановление «По вопросу о проекте плана затопления кораблей Краснознаменного Балтийского флота и судов торгфлота в случае непосредственной угрозы их захвата противником». В этом постановлении не только говорилось о наличии проекта плана затопления, который был «просмотрен и одобрен наркомом ВМФ тов. Кузнецовым», но и содержались указания «на проведение предварительных мероприятий в соответствии с разработанным планом, а также на необходимость дальнейших консультаций по этом вопросу с Верховным Командованием»⁵⁷. 13 сентября 1941 г. первый заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков представил Верховному Главнокомандующему план мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда. Все корабли военного флота, торговые, промысловые и технические суда подлежали уничтожению путем взрыва и затопления. Целью уничтожения были, во-первых, недопущение использования судов и кораблей противником, во-вторых, воспрепятствование возможности плавания судов противника в районе Кронштадт — Ленинград и использование им фарватеров, рейдов, гаваней, каналов и ковшей. Уничтожение должно было производиться по строгому плану после сигнала Главного Командования⁵⁸. По-видимому, в связи с этим планом нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов был срочно вызван в Кремль к Верховному Главнокомандующему. Как вспоминал Н. Г. Кузнецов, произошло это уже после назначения генерала Г. К. Жукова новым главнокомандующим войсками Ленинградского фронта, о чем нарком ВМФ узнал от самого И. В. Сталина. «Он считал положение Ленинграда исключительно серьезным, — писал позднее Н. Г. Кузнецов, — и сказал, что если фашистам удастся захватить город, нужно принять меры, чтобы ни один боевой корабль не попал в руки противника. Переспросив меня, понял ли я, что он говорит, подчеркнуто сказал, что в случае невыполнения этого приказа виновные будут строго наказаны»⁵⁹. На распоряжение Верховного Главнокомандующего составить телеграмму на имя главнокомандующего войсками Ленинградского фронта и отдать «приказание, чтобы все было подготовлено на случай уничтожения кораблей» нарком ВМФ ответил, что он такой телеграммы подписать не может, поскольку флот оперативно подчинен главнокомандующему войсками Ленинградского фронта, и потому эту директиву можно дать только за подписью Сталина. «После короткого размышления, — писал Н. Г. Кузнецов, — Сталин приказал мне отправиться к начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову и заготовить эту телеграмму за двумя подписями: маршала Шапошникова как начальника Генерального штаба и моей как наркома ВМФ. Против этого я уже возражать не мог, да к тому же и опасался перекалить обстановку»⁶⁰. О судьбе этой телеграммы

Обложка сборника документов
«Журнал посещений
А. А. Жданова»

в литературе ничего не известно, и, весьма вероятно, она хранится в Архиве в ожидании своей публикации.

Обнаруженный недавно в РГАСПИ «Журнал посещений А. А. Жданова» за 1941–1944 гг. вновь убеждает в том, что в наших архивах хранится еще немало важных и ценных документов. Многие годы «Журнал» пролежал в фонде секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, роль которого в годы Великой Отечественной войны определялась в исторической литературе политической конъюнктурой. С публикацией «Журнала посещений А. А. Жданова» вопрос о том, кто был лидером в заблокированном Ленинграде — А. А. Жданов или А. А. Кузнецов⁶¹, — получил документальное разрешение в пользу первого. Как установили и атрибутировали публикаторы, за 1941–1944 гг. кабинет А. А. Жданова в Смольном посетили почти 600 военных, партийных и советских руководителей обороны Ленинграда и больше

всего — около 300 раз⁶² — А. А. Кузнецов.

Конечно же, «Журнал посещений А. А. Жданова» имеет большое значение не только для разрешения вопроса о том, кто был первым лицом в руководстве обороной города. Новый источник содержит чрезвычайно ценную, правда, зашифрованную информацию о том, какие проблемы обороны города решали (или не решали) его руководители в период блокады, чтобы на основе этой информации ответить на другой, по нашему мнению, более важный вопрос: не преувеличена ли их роль в обороне Ленинграда в отечественной, в особенности в советской историографии?

Исследовательская работа по изучению и извлечению содержащейся в «Журнале посещений А. А. Жданова» информации еще впереди, и пока можно сделать некоторые наблюдения по поводу посетителей кабинета А. А. Жданова в Смольном. 25 июня 1941 г., в первый день после возвращения А. А. Жданова из краткосрочного отпуска, он встречался в Смольном главным образом с военными руководителями. Это были командующий Северным фронтом М. М. Попов, член Военного совета фронта Н. Н. Клементьев, командующий авиацией фронта А. А. Новиков, начальник местной противовоздушной обороны Ленинграда Е. С. Лагуткин, командующий 2-м корпусом ПВО М. М. Процветкин, член Военного совета Краснознаменного Балтийского флота (далее — КБФ) А. Д. Вербицкий и др. В этот день на приеме у А. А. Жданова побывали второй секретарь городского комитета партии А. А. Кузнецов, секретарь областного комитета партии Т. Ф. Штыков, секретарь городского комитета партии по авиационной промышленности З. М. Кацнельсон, заведующий военным отделом

городского комитета партии И. А. Верхоглаз, председатель Исполкома Ленгорсовета П. С. Попков⁶³. Таким образом, первый день приема А. А. Ждановым 25 июня 1941 г. в Смольном доказывает: существовавшее длительное время утверждение о том, что «Ленинград в течение первой недели войны был без своего партийного руководителя», не соответствует фактам.

«Журнал посещений А. А. Жданова» подтверждает высказанное в новейшей литературе мнение, что он оставался первым лицом в иерархии военно-политического руководства города-фронта. «Первенство А. А. Жданова, — считает Н. А. Ломагин, — никогда не оспаривалось, и более того, именно к нему, как к верховному судье обращались за поддержкой в случае возникновения споров и разногласий другие члены Военного Совета, включая командующего фронтом»⁶⁴. Из «Журнала посещений А. А. Жданова» видно, что командующие войсками Ленинградского фронта проводили в его кабинете в Смольном немало времени.

Даже Г. К. Жуков за неполный месяц своего командования Ленинградским фронтом встречался с А. А. Ждановым в сентябре 1941 г. пять раз. Сменивший его в этой должности И. И. Федюнинский побывал в октябре 1941 г. в кабинете А. А. Жданова 10 раз, а после него М. С. Хозин, несмотря на не совсем теплые отношения с влиятельным членом Военного совета, встречался с ним более 30 раз за время своего командования фронтом. Самым частым посетителем Смольного из числа командующих оказался Л. А. Говоров, который за 1942–1944 гг. встречался с А. А. Ждановым более 70 раз⁶⁵.

Неоднократно в кабинете А. А. Жданова в Смольном бывали, особенно в критические месяцы 1941 г., и другие высокие должностные лица: начальник артиллерии Красной армии, заместитель наркома обороны Н. Н. Воронов, первый заместитель наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков, командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц, командующий авиацией Ленинградского фронта А. А. Новиков и др. Заместитель председателя СНК СССР А. Н. Косыгин, который в январе — июле 1942 г. был уполномоченным ГКО в Ленинграде и занимался проблемой эвакуации населения и организацией продовольственного снабжения блокированного города, встречался с А. А. Ждановым в Смольном 37 раз⁶⁶. В «Журнале посещений А. А. Жданова» отражены и его встречи с ответственными военными и гражданскими работниками, занимавшимися организацией производства боеприпасов и ремонта военной техники, перевозками грузов по Ладожскому озеру, строительством оборонительных сооружений. В нем также зафиксированы эпизодические приемы партизан и передовых рабочих Ижорского и Кировского заводов.

«Журнал посещений А. А. Жданова» не подтверждает мнения части ленинградских партийных работников, которые после освобождения города от блокады считали, что А. А. Жданов «больше сидел в Москве», в то время как А. А. Кузнецов занимался обороной Ленинграда⁶⁷. В действительности же за время блокады А. А. Жданов был в Москве три раза: 17 декабря 1941 г. — для встречи с И. В. Сталиным; 17–23 июня 1942 г. — для участия в 9-й сессии Верховного Совета СССР, когда он дважды — 17 и 19 июня — встречался

с И. В. Сталиным; 14–23 апреля 1943 г., когда он тоже дважды встречался с И. В. Сталиным⁶⁸.

Теперь выясняется, что, помимо личных встреч с И. В. Сталиным, о содержании которых почти ничего не известно, А. А. Жданов вел в это время и личную переписку с ним, о чем свидетельствуют недавно опубликованные в «Военно-историческом журнале» два письма из фонда «Сталин», хранящиеся в РГАСПИ⁶⁹. Не имея здесь возможности остановиться на содержании этих писем, лишь обратим внимание на причины их появления. Первое из них написано 5 декабря 1941 г., буквально через несколько дней после состоявшегося 1 декабря неприятного для А. А. Жданова разговора по прямому проводу с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. «Можно полагать, что Ленинград во главе с товарищем Ждановым находится не в СССР, а где-нибудь на острове в Тихом океане, — говорил в раздражении И. В. Сталин, недовольный более чем двухнедельным отсутствием новостей из осажденного города. — Сообщите, чем вы заняты, как у вас дела и как вы думаете выбраться из нынешнего положения?»⁷⁰. По признанию А. А. Жданова, они вместе с командующим войсками Ленинградского фронта М. С. Хозиним не могли сообщить Верховному Главнокомандующему «что-либо существенное», а всю неудачу начавшегося наступления свалили на командира 80-й стрелковой дивизии Фролова и ее комиссара Иванова, которых просили разрешить «судить и расстрелять»⁷¹. Верховный Главнокомандующий отреагировал на эту просьбу немедленно: «Фролова и Иванова обязательно расстреляйте и объявите об этом в печати». Также он обещал помочь боеприпасами и пополнением личного состава. «Не теряйте времени, не только каждый день, но и каждый час дорог. Противник собрал все силы почти со всех фронтов против Москвы, — сказал И. В. Сталин в заключение разговора. — Все остальные фронты имеют теперь благоприятный случай ударить по врагу, в том числе и ваш фронт»⁷². Именно желанием сообщить Верховному Главнокомандующему, что «ленинградцы не теряют времени даром», и было вызвано это письмо, направленное в Москву с улетавшим начальником артиллерии Красной армии Н. Н. Вороновым. Хотя, как видно из письма, «сообщить что-либо существенное» А. А. Жданов еще не мог, кроме как о сделанном «открытии»: «Основной причиной наших неудач является слабое использование огневых средств пехоты...»⁷³. Чтобы не обременять И. В. Сталина просьбами из блокадного Ленинграда, он закончил свое письмо как опытный политик и дипломат: «Настроение у нас хорошее. Самое тревожное — это то, что голодно»⁷⁴. А в это время ленинградцы уже две недели получали самую низкую норму выдачи хлеба, и в городе уже началась массовая гибель людей от голода.

Значительно больший интерес представляет второе из опубликованных писем А. А. Жданова И. В. Сталину. Написанное 9 июня 1942 г. в связи с предполагавшимся его назначением начальником Главного политического управления РККА, оно содержало определенную оборонительную концепцию ленинградского руководства, связанную с пониманием состояния и перспектив обороны города. «Я считаю, — писал А. А. Жданов, — что пока Ленинград находится в блокаде, и притом в условиях непосредственного расположения противника в предместьях Ленинграда, немцы не ограничатся войной на коммуникации,

а попытаются также штурмовать Ленинград с фронта»⁷⁵. Отвечая на вопрос «Как выглядит наша оборона?», он с оптимизмом утверждал: «Конечно, мы выглядим много прочнее, чем осенью прошлого года. Беззащитного народа (женщины, дети) стало меньше. Дух защитников стал крепче. Улучшилась артиллерийская и инженерная оборона и вооружение войск. Но у нас есть очень слабые места в обороне, которые внушают самые серьезные опасения». К этим «очень слабым местам» А. А. Жданов относил недокомплект стрелковых дивизий, слабость инженерной обороны, отсутствие в стрелковых отделениях пистолетов-пулеметов системы Дегтярева и системы Шпагина, а также недостаток станковых и ручных пулеметов⁷⁶. Однако самое главное в этом письме, на наш взгляд, состоит в оценке автора письма своей роли в обороне Ленинграда. «Распределить правильно продовольствие, горючее, сырье, электроэнергию, рабочую силу между отраслями войны и хозяйства обязан Военный Совет. И вот поскольку это дело находится главным образом под моим присмотром, перевалить его на другие плечи очень трудно, — писал он. — Народ считает, раз руководители здесь — все в порядке. В этом отношении мой отъезд в такое горячее время может вызвать настроения неуверенности». Поэтому А. А. Жданов, ожидая возможного перемещения в Москву, просил И. В. Сталина разрешить ему задержаться в Ленинграде до 1 июля 1942 г., для того чтобы «закончить все необходимые меры по инженерной и войсковой обороне» и «помочь т. Кузнецову войти в курс дела и набить руку на решении всех дел Военного Совета». Других кандидатов на должность первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Жданов не видел⁷⁷. Видимо, эти аргументы сыграли не последнюю роль в том, что А. А. Жданов остался в Ленинграде до 1944 г. К тому же состоявшееся 18 июня 1942 г. на заседании Верховного Совета СССР его успешное выступление, в котором он выразил «глубокую признательность» всей стране за братскую помощь блокированному Ленинграду⁷⁸, определенно убедило И. В. Сталина в том, что А. А. Жданов оправдывает его доверие на посту ленинградского лидера.

Важнейшей проблемой блокированного Ленинграда было «правильное распределение продовольствия». От ее решения зависело выживание большинства ленинградцев. Но прерогативой Военного совета Ленинградского фронта данный вопрос стал далеко не сразу. Только 11 января 1942 г. последовало совершенно секретное постановление Военного совета фронта, подписанное командующим фронтом М. С. Хозиным и членами Военного совета А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым и Н. В. Соловьевым, о строгом соблюдении установленных лимитов расхода продовольствия. «За последние месяцы участились ходатайства различных военных и гражданских организаций об увеличении норм расхода продовольствия, — отмечалось в этом постановлении, — причем решения об увеличении норм продовольственных товаров, помимо Военного Совета фронта, принимаются Исполкомом Ленгорсовета, Горкомом ВКП(б) и другими организациями, что приводит к перерасходу и ослаблению контроля за соблюдением лимита продовольствия, устанавливаемого Военным Советом фронта»⁷⁹. В целях строгой централизации распределения продовольственных ресурсов Военный совет постановил: решения по расходу

продовольствия принимаются только Военным советом фронта; все вопросы, связанные с увеличением расхода продовольствия как для гражданских и военных организаций в целом, так и для отдельных лиц, рассматриваются продовольственной комиссией в пределах лимита, установленного решением Военного совета фронта.

Созданная Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта была утверждена в составе члена Военного совета фронта второго секретаря горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова, уполномоченного ГКО по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города Д. В. Павлова, председателя Ленгорсовета П. С. Попкова и председателя Леноблсовета Н. В. Соловьева⁸⁰. Как видно из «Журнала посещений А. А. Жданова», все четыре члена Продовольственной комиссии встречались 11 января 1942 г. с А. А. Ждановым в Смольном⁸¹. К сожалению, из них только Д. В. Павлов имел возможность написать об этой Комиссии в своей книге «Ленинград в блокаде», дав ей довольно сдержанную оценку⁸². Однако в данном случае, как нам представляется, сказалась слабая осведомленность уполномоченного ГКО, который присутствовал только на первом заседании этой Комиссии 15 января 1942 г. и вскоре, 18 января, был отозван в Москву. Другие члены Продовольственной комиссии, как известно, были расстреляны по Ленинградскому делу.

Материалы Продовольственной комиссии, находившиеся в течение длительного времени на специальном хранении в Ленинградском партийном архиве (ныне — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ЦГАИПД СПб) и теперь частично рассекреченные, позволяют более полно показать ее роль в продовольственной политике Смольного. Они, в частности, свидетельствуют о том, что письма ленинградцев с просьбами об оказании продовольственной помощи, адресованные А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, П. С. Попкову, И. А. Андреенку и другим руководителям города, стали поступать еще с октября 1941 г. в связи с уменьшением норм выдачи продуктов, в первую очередь хлеба, и начавшимся голодом⁸³. Н. А. Ломагин, опубликовавший эти письма, справедливо полагает, что они «раскрывают главным образом суть недовольства населения существующим продовольственным положением (особенно подростков и иждивенцев) и содержат в целом ряде случаев конкретные предложения по его улучшению»⁸⁴.

К настоящему времени опубликованы и другие материалы Продовольственной комиссии, в частности протоколы первых ее заседаний⁸⁵. Из них явствует, что Продовольственная комиссия, несмотря на ограниченные продовольственные ресурсы, в условиях острейшего голода и наступившей огромной смертности была вынуждена реагировать на поступающие в Смольный многочисленные просьбы о продовольственной помощи. Так, заседавшая 2 февраля 1942 г. Продовольственная комиссия в составе Н. В. Соловьева, П. С. Попкова, П. Г. Лазутина и И. А. Андреенку, рассмотрев представленные учреждениями науки, культуры и искусства списки на оказание продовольственной помощи, прикрепила своим решением к спецмагазину «Ленгастроном» 440 работников науки, культуры и искусства⁸⁶. Конечно, это была только небольшая часть остро нуждавшихся в продовольственной помощи, но ограниченная установленным

лимитом Продовольственная комиссия была вынуждена отказывать в многочисленных просьбах ленинградцев.

С улучшением организации завоза продуктов питания по Ладожскому озеру и созданием запасов продовольствия в осажденном городе, а также резким сокращением его численности в результате массовой эвакуации весной — летом 1942 г. Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта постепенно переставала быть чрезвычайным органом. На ее заседаниях стали рассматриваться многочисленные обращения и просьбы руководителей самых различных военных и гражданских организаций о выдаче дополнительных продуктовых рабочих карточек и других видов продовольственной помощи; о разрешении отделу торговли исполкома Ленгорсовета отпускать обеды без погашения талонов из продовольственных карточек. Комиссия также распределяла по организациям и учреждениям поступавшие со всех концов страны подарки, выполняла другие многочисленные функции⁸⁷.

Созданная в критический период блокады Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта стала главным инструментом всей продовольственной политики Смольного, ориентированной в первую очередь на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба осажденного города⁸⁸. Вместе с тем в современной историографии высказано мнение, что «Продовольственная комиссия проводила очень консервативную линию, отказывая в удовлетворении подавляющего большинства просьб о дополнительном питании»⁸⁹. По нашему мнению, объективно оценить роль Продовольственной комиссии в продовольственной политике Смольного можно только в результате изучения всего комплекса материалов этого органа, в том числе недоступных пока исследователям. Эти материалы могут стать важным источником при выяснении вопроса об эффективности оказываемой помощи. В идеале — хорошо бы издать полностью сравнительно небольшой документальный фонд Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта, так долго укрывавшийся от исследователей в архивохранилище.

Как ни удивительно, но вплоть до начала XXI в. отсутствовали специальные документальные публикации о помощи страны блокированному Ленинграду, хотя отдельные документы об этой помощи и помещались в различных сборниках, начиная еще с военного времени. Этот существенный пробел теперь восполнен изданием в 2002 г. сборника документов «Страна — Ленинграду. 1941–1945», подготовленного научными сотрудниками Санкт-Петербургского Института истории РАН совместно с работниками петербургских архивов⁹⁰. Наряду с материалами центральной, ленинградской и местной печати в нем помещены важные новые документы из фондов ЦГАИПД СПб, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. Опубликованные в сборнике документы убедительно свидетельствуют о том, что осажденный Ленинград не был оставлен на произвол судьбы, а помощь и забота всей страны стали важным моральным фактором в борьбе за свой город.

Обложка сборника документов
«Страна — Ленинграду»

Обложка сборника «Фольклор
и быт ленинградских партизан»

Как нам представляется, подобную работу следует продолжить, имея в виду, что на местах за многие годы накоплен и опубликован огромный материал о братской помощи Ленинграду в годы Великой Отечественной войны. Назрела также и потребность монографического исследования этой важной проблемы, поскольку со времени выхода единственной книги⁹¹ на эту тему прошло уже почти 60 лет.

В 2016 г. увидел свет сборник документов и фотографий «Фольклор и быт ленинградских партизан», подготовленный сотрудниками ЦГАИПД СПб⁹². Сборник знакомит исследователей с одной из малоизученных страниц истории партизанского движения под Ленинградом в годы Великой Отечественной войны. В нем опубликованы свыше 300 документов, хранящихся в фондах архива и отражающих различные стороны партизанского движения: боевую подготовку, снабжение, медицинское и санитарное обеспечение, поддержание дисциплины, быт, художественное творчество и т. д.

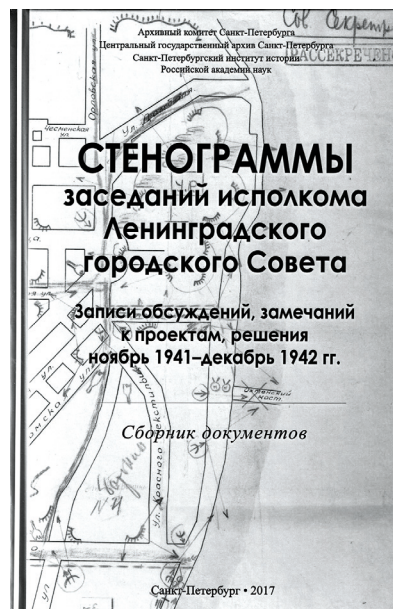
Обсуждая сегодня перспективы новых публикаций документов по истории обороны и блокады Ленинграда, следует обратить особое внимание на развитие сотрудничества историков с петербургскими архивами, в которых работают квалифицированные специалисты. Именно в результате такого сотрудничества появились в свое время сборники документов «900 героических дней» (1966), «Ленинград в осаде» (1995), «Страна — Ленинграду» (2002), ставшие этапными публикациями документов по истории обороны и блокады Ленинграда. Однако это лишь незначительная часть того документального богатства, которым располагают петербургские архивы.

Подтверждение тому — начатое в 2017 г. издание хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга стенограмм заседаний исполкома Ленин-

градского городского Совета депутатов трудящихся⁹³. Даже предварительное знакомство с этими материалами позволяет считать, что публикуемые документы значительно расширяют наши представления как о блокадном быте ленинградцев, так и о тех мерах, которые предпринимались городскими и районными властями по восстановлению и сохранению городской инфраструктуры.

Заметным явлением в историографии стало издание первого тома (из намеченных трех) документов «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.»⁹⁴. Документы были извлечены из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. В сборнике впервые полностью опубликованы все постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б) и стенограммы заседаний за самый тяжелый период блокады Ленинграда — с июня 1941 г. по март 1942 г. Горком ВКП(б), наряду с Военным советом Ленинградского фронта, был главным руководящим органом и занимался координацией деятельности оборонной промышленности, городской инфраструктуры, регулировал практически все аспекты повседневной жизни населения Ленинграда. Данная публикация раскрывает роль партийного руководства в управлении Ленинградом, свидетельствует о том, как принимались ключевые решения, отражавшиеся на жизни блокированного города.

Хочется надеяться, что со временем будет издан и хранящийся в ЦГА СПб фонд Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, отразивший масштаб ущерба, причиненный Ленинграду войной и блокадой. Пока же из этого фонда опубликованы только «Акт Ленинградской городской комиссии...»⁹⁵ и сведения о жертвах среди населения от артобстрелов, бомбардировок и голодной блокады, установленные на май 1945 г. по 15 районам Ленинграда, Колпино и Кронштадту⁹⁶. Между тем созданная еще в мае 1943 г. Городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников проделала огромную работу; в Ленинграде и его пригородах ею занимались 6445 комиссий, в их работе участвовали более 31 тыс. чел., в том числе партийные, хозяйственные и общественные деятели, виднейшие представители науки, культуры и искусства. В результате был подготовлен «Доклад в Чрезвычайную государственную комиссию об итогах расследования злодеяний и учета ущерба, причиненного Ленинграду в годы

Обложка сборника документов «Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета»

войны и блокады»⁹⁷. Однако в этот доклад не вошли материалы выделенных в отдельный том «Именных списков видных деятелей Ленинграда, погибших во время войны и блокады»⁹⁸.

Впервые материалы Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков были критически исследованы С. Б. Бизевым, который доказал, что установленная Комиссией цифра потерь ленинградцев от голода (649 тыс. чел.) не может считаться точной из-за допущенных при составлении именных списков ошибок: по его подсчетам, в районных именных списках не были учтены еще около 100 тыс. ленинградцев, погибших от голода⁹⁹. Рассудить, кто здесь прав — Комиссия в 1945 г. или исследователь в 2001 г., могло бы издание всех материалов Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны — уникальное явление в истории мировых войн, и публикация документов, связанных с этим событием, открывает все новые возможности для его исследования.

¹ См. об этом: *Соболев Г.Л.* Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // *Новейшая история России.* 2012. № 3. С. 70–96.

² См. об этом: *Магаева С.В.* Библиография публикаций мемуаров ленинградских блокадников. М., 2013. С. 4–122.

³ «Государственный Комитет Оборона постановляет...». Директивные документы ГКО по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда. 1941–1945 гг. / подготовили к печати Е. Е. Кириллова и В. Н. Шепелев // *Исторический архив.* 2003. № 2. С. 131–163.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 209.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ «Государственный Комитет Оборона постановляет...». С. 134.

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Ленинград в осаде: сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 192–193.

⁹ «Государственный Комитет Оборона постановляет...». С. 136–137.

¹⁰ *Ковальчук В.М.* Ленинград и Большая Земля. История Ладужской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л., 1975. С. 94.

¹¹ Там же.

¹² Цит. по: *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 432.

¹³ «Государственный Комитет Оборона постановляет...». С. 137.

¹⁴ Там же. С. 140–141.

¹⁵ Там же. С. 141–165.

¹⁶ *Болдовский К.А., Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 1 (09). С. 278–279.

¹⁷ *Горьков Ю.* Государственный Комитет Оборона постановляет... (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002.

¹⁸ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М., 2004. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 16–17.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ Там же. С. 29.

²² Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 217.

²³ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 195.

- ²⁴ Там же. С. 196–197.
- ²⁵ Там же. С. 34–35.
- ²⁶ *Симонов К. М.* Заметки к биографии Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 30.
- ²⁷ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 40–41.
- ²⁹ Там же. С. 201.
- ³⁰ *Даудов А. Х., Куницевиц Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2018. С. 154.
- ³¹ Уголовный кодекс. С изменениями на 1 августа 1941 года. Официальный текст с приложением построчно систематизированных материалов. М., 1941. С. 28.
- ³² *Даудов А. Х., Куницевиц Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал... С. 157.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Крюковских А. П.* К истории попыток прорыва блокады Ленинграда в 1941–1942 гг. // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 81.
- ³⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 42–43.
- ³⁶ Там же. С. 44–46.
- ³⁷ Там же. С. 49.
- ³⁸ *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»... С. 280.
- ³⁹ Там же. С. 281.
- ⁴⁰ *Крюковских А. П.* К истории попыток прорыва блокады Ленинграда в 1941–1942 гг. С. 82–83.
- ⁴¹ *Мосунов В. А.* Битва за Ленинград. Враг у ворот! М., 2016. С. 289.
- ⁴² Там же. С. 8.
- ⁴³ Россия и СССР в войнах и конфликтах XX века: статистическое исследование / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 271.
- ⁴⁴ Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Вып. 1 / отв. ред. Л. А. Вербицкая, Г. Л. Соболев; сост. М. Ф. Вернидуб, И. С. Ратьковский, М. В. Ходяков и др. СПб., 1995; Вып. 2 / сост. Т. В. Буркова, И. С. Ратьковский, М. В. Ходяков и др. СПб., 2000; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 2. Вып. 2. С. 14–23.
- ⁴⁵ *Мосунов В. А.* Битва за Ленинград. Враг у ворот! С. 327–328.
- ⁴⁶ *Лебедев Ю. М.* Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. М., 2011. С. 279–280.
- ⁴⁷ «План “Д”». План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда / сост. С. К. Бернев и Н. А. Ломагин. СПб., 2005.
- ⁴⁸ Там же. С. 19.
- ⁴⁹ Журнал посещений А. А. Жданова. 1941–1944 гг. / отв. ред. К. А. Болдовский. СПб., 2014. С. 344.
- ⁵⁰ «План “Д”». С. 20.
- ⁵¹ Там же. С. 23, 27.
- ⁵² *Бычевский Б. В.* Город-фронт. Л., 1967. С. 106–107.
- ⁵³ «План “Д”». С. 182.
- ⁵⁴ Там же. С. 25.
- ⁵⁵ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада: документы и материалы. Кн. 2. 2-е изд. СПб., 2004. С. 122.
- ⁵⁶ «План “Д”». С. 33.
- ⁵⁷ Там же. С. 21.
- ⁵⁸ Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 88–90.

⁵⁹ Из воспоминаний Народного Комиссара Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецова // Оборона Ленинграда 1941–1944: воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. Л., 1968. С. 234.

⁶⁰ Там же. С. 234–235.

⁶¹ *Кутузов В. А.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1 (03). С. 193–203.

⁶² Подсчитано нами по аннотированному именованному указателю к «Журналам посещений А. А. Жданова» (с. 300–382).

⁶³ Журнал посещений А. А. Жданова. С. 21.

⁶⁴ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 2004. С. 136–137.

⁶⁵ Подсчитано нами по аннотированному именованному указателю к «Журналам посещений А. А. Жданова» (с. 313, 321, 373–374).

⁶⁶ Там же. С. 333.

⁶⁷ См., напр.: *Кутузов В. А.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? С. 193.

⁶⁸ Журнал посещений А. А. Жданова. С. 83, 163, 234; *Кутузов В. А.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? С. 193.

⁶⁹ *Газиева Л. Л.* Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 31–35.

⁷⁰ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 73.

⁷¹ Там же. — Приказ № 35 войскам Ленинградского фронта о расстреле бывшего командира 80-й стрелковой дивизии полковника И. М. Фролова и бывшего военного комиссара той же дивизии полкового комиссара К. Д. Иванова был подписан 3 декабря 1941 г. Оба были обвинены в том, что проявили «трусость и преступное бездействие», «нарушили воинскую присягу, обесчестив высокое звание воина Красной Армии», «нанесли ущерб войскам Ленинградского фронта», в результате чего выполнение задания командования «было сорвано». Приказ подписали командующий фронтом генерал-лейтенант М. С. Хозин, начальник штаба фронта генерал-майор Д. Н. Гусев, а также члены Военного Совета фронта А. А. Жданов, А. А. Кузнецов и Н. В. Соловьев (*Даудов А. Х., Кунцевич Ю. М., Ходяков М. В.* Военный трибунал... С. 223).

⁷² Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 74–75.

⁷³ *Газиева Л. Л.* Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным. С. 32.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 32–33.

⁷⁶ Там же. С. 33.

⁷⁷ Там же. С. 34.

⁷⁸ Правда. 1942. 19 июня.

⁷⁹ Ленинград в осаде: сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 221–222.

⁸⁰ Там же. С. 222.

⁸¹ Журнал посещений А. А. Жданова. С. 97.

⁸² *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. 6-е изд., испр. и доп. Л., 1985. С. 91–92.

⁸³ Письма ленинградцев в Продовольственную комиссию Военного Совета Ленинградского фронта, октябрь 1941 — сентябрь 1942 гг. // *Ломагин Н. А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб., 2014. С. 289–358.

⁸⁴ Там же. С. 19.

⁸⁵ См.: *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–23.

⁸⁶ Там же. С. 14.

⁸⁷ При обсуждении на заседании исполкома Ленгорсовета 29 сентября 1942 г. тяжелого положения, сложившегося со стиркой индивидуального белья в городских банях, П. С. Попков заявил: «Вопрос о мыле в банях еще не решен в Продкомиссии Военного Совета» (Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг.: сб. документов / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2017. С. 313–314).

⁸⁸ Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта... С. 15–16.

⁸⁹ Ломагин Н. А. В тисках голода. С. 21.

⁹⁰ Страна — Ленинграду. 1941–1945: сб. документов / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Сердник. СПб.; Кишинев, 2002.

⁹¹ Худякова Н. Д. Вся страна с Ленинградом (1941–1943 гг.). Л., 1960.

⁹² Фольклор и быт ленинградских партизан. Фотографии и документы / пред. ред. колл. В. В. Тарадин; сост. Н. В. Савинова. СПб., 2016.

⁹³ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг.: сб. документов / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2017.

⁹⁴ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. I: Июнь 1941 г. — март 1942 г.: сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб., 2018.

⁹⁵ Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады. М., 1945.

⁹⁶ 900 героических дней: сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 397–398.

⁹⁷ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 40.

⁹⁸ Там же. Оп. 6. Д. 1066.

⁹⁹ Бизев С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 28–29.

Статья поступила в редакцию 26 августа 2018 г.

Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 8–34. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.101>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: В статье показано, что публикация неизвестных ранее документов, посвященных битве за Ленинград в 1941–1944 гг., позволяет поставить новые вопросы, открывает широкие возможности для объективного исследования сложной и многогранной проблемы. Документальные публикации демонстрируют в новом свете деятельность органов государственной власти и управления, раскрывают противоречивые взаимоотношения, существовавшие между высшим партийным и военным руководством страны и лидерами Ленинграда. Авторы наглядно демонстрируют, что введение в научный оборот ранее засекреченных архивных материалов позволяет развенчивать устойчивые мифы, связанные с жизнью блокированного города. Публикация плана «Д», предполагавшего минирование Ленинграда осенью 1941 г. на случай вынужденного отхода наших войск, свидетельствует о том, что решение по данному вопросу принималось в Москве, а обвинения в адрес ленинградского руководства в трусости и паникерстве в этот период лишены оснований. Публикация другого ценного источника — «Журнала посещений А. А. Жданова» — позволяет четко ответить на вопрос о том, кто был лидером в блокированном Ленинграде — А. А. Жданов или А. А. Кузнецов, а также демонстрирует круг лиц, к которым руководитель города обращался лично в те или иные моменты. В статье подчеркивается, что, поскольку важнейшей проблемой блокированного Ленинграда было продовольственное обеспечение горожан, выявление в архивах соответствующих источников имеет первостепенное значение. В качестве примера приводится деятельность Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта, к изучению которой истории смогли приступить лишь после публикации ряда ценных документов.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, новые документы, архивные материалы, продовольственное снабжение, И. В. Сталин, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-01-00346 «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.».

Сведения об авторах: *Соболев Г. Л.* — д-р ист. наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); g.sobolev@spbu.ru | *Ходяков М. В.* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m.khodyakov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург, Россия

FOR CITATION

Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Publication of New Documents as an Important Factor in the Further Study of the Defense and Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 8–34. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.101> (In Russian)

Abstract: The article shows how the publication of previously unknown documents related to the battle for Leningrad in 1941–1944 helps us raise new questions and expands opportunities for the objective study of a complex subject. Documentary publications reveal activities of state authorities and administrators in a new light and uncover contradictory relationships between the highest party and military leadership of the country and leaders of Leningrad. This introduction of previously secret archival materials makes it possible to debunk stable myths associated with life in this blocked city. The publication of Plan "D," which proposed mining Leningrad in the fall of 1941 in the case of a forced departure of soldiers, shows that this decision was made in Moscow, and accusations of cowardice and alarmism against Leningrad's leaders at this time were unfounded. The publication of another valuable source, A. A. Zhdanov's Visitors Log, makes it possible to answer the question of who was Leningrad's real leader, A. A. Zhdanov or A. A. Kuznetsov. Because the most important problem for Leningrad was providing food to citizens, the identification in the archives of relevant sources is of paramount importance: for example, activities of the Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front.

Keywords: siege, Leningrad, new documents, archival materials, food supply, I. V. Stalin, A. A. Zhdanov, A. A. Kuznetsov.

This research was supported by "Russian Foundation for Basic Research", project no. 17-01-00346 "The Siege: Decrees of the Leningrad All-Union Communist Party of Bolsheviks Governing Bodies. 1941–1944".

Authors: *Sobolev G. L.* — Dr. Sci. in History, Professor Emeritus, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); g.sobolev@spbu.ru | *Khodjakov M. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m.khodyakov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 199034, Universitetskaya nab., d. 7–9, St. Petersburg, Russia

References:

900 geroicheskikh dnei: sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoi borbe trudyashchih sya Leningrada v 1941–1944 gg. (Moscow — Leningrad, 1966).

Akt Leningradskoi gorodskoi komissii o prednamerennom istreblenii nemecko-fashistskimi varvarami mirnykh zhitelej Leningrada i ushcherbe, nanesennoe khozyajstvu i kulturno-istoricheskim pamyatnikam goroda za period vojny i blokady (Moscow, 1945).

Bizev S. B. *Smertnost grazhdanskogo naseleniya Leningrada v gody blokady 1941–1944 gg. (na materialakh Leningradskoi gorodskoi komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanij nemecko-fashistskikh zahvatnikov i ikh soobshchnikov)* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2001).

Blokada Leningrada v dokumentakh rassekrechennykh arkhivov, Ed. by N. L. Volkovskiy (Moscow, 2004).

- Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiynykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), i stenogrammy zasedaniy. Part I: Iyun' 1941 g. — mart 1942 g.*, Ed. by K. A. Boldovskiy (St. Petersburg, 2018).
- Boldovskiy K. A., Sobolev G. L., Khodjakov M. V. "Vy prosto neorganizovannye lyudi i ne chuvstvuyete otvetstvennosti za svoi dejstviya": iz peregovorov po pryamomu provodu mezhdru Moskvoy i Leningradom v 1941–1942 gg.', *Modern History of Russia*, no. 1 (09), 2014.
- Bychevskiy B. V. *Gorod-front* (Leningrad, 1967).
- Daudov A. Kh., Kuntsevich Yu. M., Khodjakov M. V. *Voennyj tribunal Leningradskogo fronta v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* (St. Petersburg, 2018).
- Folklor i byt leningradskikh partisan: fotografii i dokumenty*, Ed. by V. V. Taradin; Comp. N. V. Savinova (St. Petersburg, 2016).
- Gazieva L. L. 'Iz lichnoj perepiski A. A. Zhdanova s I. V. Stalinyim v 1941–1942 gg.', *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 3, 2015.
- Gorkov Yu. *Gosudarstvennyj Komitet Oborony postanovlyayet... (1941–1945). Cifry, dokumenty* (Moscow, 2002).
- 'Iz vospominanii Narodnogo Komissara Voенно-Morskogo Flota SSSR N. G. Kuznetsova', *Oborona Leningrada 1941–1944. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov*, Ed. by A. M. Samsonov (Leningrad, 1968).
- Khudyakova N. D. *Vsya strana s Leningradom (1941–1943 gg.)* (Leningrad, 1960).
- "Gosudarstvennyj Komitet Oborony postanovlyayet...". Direktivnye dokumenty GKO po obespecheniyu zhiznedeyatel'nosti Leningrada. 1941–1945 gg.', *Istoricheskiy arkhiv*, no. 2, 2003.
- Kniga pamyati Leningradskogo — Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1941–1945*, Iss. 1. Ed. by L. A. Verbitskaya, G. L. Sobolev; Comp. M. F. Vernidub, I. S. Ratkovskiy, M. V. Khodyakov et al. (St. Petersburg, 1995).
- Kniga pamyati Leningradskogo — Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1941–1945*, Iss. 2, Comp. T. V. Burkova, I. S. Ratkovskiy, M. V. Khodjakov et al. (St. Petersburg, 2000).
- Kovalchuk V. M. *Leningrad i Bolshaya Zemlya. Istoriya Ladozhskoj kommunikacii blokirovannogo Leningrada v 1941–1943 gg.* (Leningrad, 1975).
- Kryukovskikh A. P. 'K istorii popytok proryva blokady Leningrada v 1941–1942 gg.', *O blokade Leningrada v Rossii i za rubezhom*, Ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2005).
- Kutuzov V. A. 'A. A. Zhdanov ili A. A. Kuznetsov? K voprosu o liderstve v blokirovannom Leningrade', *Modern History of Russia*, no. 1 (03), 2012.
- Lebedev Yu. M. *Leningradskij "blichkrig". Na osnove voennykh dnevnikov vysshikh oficerov vermakhta: general-feldmarshala Vilgelm Rittersa fon Leeba i general-polkovnika Franca Galdera. 1941–1942* (Moscow, 2011).
- Leningrad v osade: sb. dokumentov o geroicheskoy oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1944*, Ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 1995).
- Lomagin N. A. *Neizvestnaya blokada*, Book 1, 2nd ed. (St. Petersburg, 2004).
- Lomagin N. A. *Neizvestnaya blokada: dokumenty i materialy*, Book 2, 2nd ed. (St. Petersburg, 2004).
- Lomagin N. A. *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhb, NKVD i pismakh leningradcev* (St. Petersburg, 2014).
- Magaeva S. V. *Bibliografiya publikatsij memuarov leningradskikh blokadnikov* (Moscow, 2013).
- Mikoyan A. I. *Tak bylo. Razmyshleniya o minuvshem* (Moscow, 1999).
- Mosunov V. A. *Bitva za Leningrad. Vrag u vorot!* (Moscow, 2016).
- Organy Gosudarstvennoj Bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dokumentov*, Vol. 2, Book 2: Nachalo. 1 sentyabrya — 31 dekabrya 1941 goda (Moscow, 2000).
- Pavlov D. V. *Leningrad v blokade*. 6th ed. (Leningrad, 1985).
- "Plan 'D'". *Plan specialnykh meropriyatij, provodimykh vo vremya Otechestvennoj vojny po obshchegorodskim ob'ektam gor. Leningrada*, Comp. S. K. Bernev, N. A. Lomagin (St. Petersburg, 2005).
- Rossiya i SSSR v voynakh i konfliktakh XX veka: statisticheskoe issledovanie*, Ed. by G. F. Krivosheev (Moscow, 2001).
- Simonov K. M. 'Zametki k biografii G. K. Zhukova', *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 9, 1987.
- Sobolev G. L. 'Blokada Leningrada: ot novyh istochnikov k novomu ponimaniyu', *Modern History of Russia*, no. 3, 2012.
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'Poteri Leningradskogo universiteta v gody Velikoj Otechestvennoj vojny', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 2, Iss. 2, 2010.
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'Prodovolstvennaya komissiya Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 godu', *Modern History of Russia*, no. 1 (15), 2016.

Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Noyabr' 1941 — dekabr' 1942 gg.: sb. dokumentov, Ed. by A. N. Chistikov, Comp. N. Yu. Cherepenina (St. Petersburg, 2017).

Strana — Leningradu. 1941–1945: sb. dokumentov, Ed. by V. M. Kovalchuk; Comp. L. I. Ilyina, V. M. Kovalchuk, A. P. Kupaygorodskaya, R. V. Serdnik (St. Petersburg — Kishinev, 2002).

Ugolovnyj kodeks. S izmeneniyami na 1 avgusta 1941 goda. Oficialnyj tekst s prilozheniem postatejno sistemati-zirovannykh materialov (Moscow, 1941).

Zhurnal poseshchenij A. A. Zhdanova. 1941–1944 gg., Ed. by K. A. Boldovskiy (St. Petersburg, 2014).

Received: August 26, 2018

Accepted: December 3, 2018